

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

Сетевое издание

**№ 3 (62)
2023**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И., председатель совета, академик РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффа Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., ТюмГУ;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Омский ун-т;
Хлагула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:

Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН; Лискевич Н.А., отв. секретарь, к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Агапов М.Г., д.и.н., ТюмГУ; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., НИЦИА Бегазы-Тасмола (Казахстан);
Валь Й., PhD, О-во охраны памятников Штутгарта (Германия); Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН; Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2023

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 3 (62)
2023**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)

Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)

Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology of the RAS (Moscow, Russia)

Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)

Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kostomarov Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Liskevich N.A., Assistant Editor, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Agapov M.G., Doctor of History, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Beisenov A.Z., Candidate of History, NITSIA Begazy-Tasmola (Almaty, Kazakhstan),

Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)

Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)

Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
(Saint Petersburg, Russia)

Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York (New York, USA)

Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)

Pinhasi R., PhD, Professor, University College Dublin (Dublin, Ireland)

Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege

(State Office for Cultural Heritage Management) (Stuttgart, Germany)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru

URL: <http://www.ipdn.ru>

ЖУРАВЛЕВСКИЙ КОМПЛЕКС ГОРОДИЩА БОРКИ 1 В НИЖНЕМ ПРИИШИМЬЕ

В конце II — начале I тыс. до н.э. в историко-культурной ситуации Нижнего Приишимья, как и в сопредельных районах и на более широкой территории Северной Евразии, происходят изменения, приведшие к формированию культур скифского типа. Для понимания процессов этого времени в южно-таежных и лесостепных районах Западной Сибири определенное значение имеют материалы многослойного городища Борки 1, на котором исследованы комплексы с крестовой орнаментацией посуды и керамикой так называемого журавлевского типа. Рассматривается журавлевский комплекс Борковского городища из раскопа 2014 г., где выявлены остатки наземного (срубного) жилища, обнаружены керамика, инвентарь и остеологический материал. На основе аналогов посуды определяется относительная хронология журавлевских материалов и предлагается уточнить их место среди комплексов переходного от бронзы к железу времени и начала раннего железного века.

Ключевые слова: Нижнее Приишимье, городище Борки 1, переходный период от бронзы к железу, журавлевская посуда, инвентарь, начало раннего железного века.

Памяти Евгения Михайловича Данченко

Введение

Финал эпохи поздней бронзы стал переломным моментом в истории евразийских степей, ознаменовавшимся началом формирования культур скифского типа. Этот процесс охватил и южно-таежные и лесостепные территории Западной Сибири, в частности Нижнее Приишимье, где в это время отмечаются существенные изменения природно-климатических условий. Увеличивалась увлажненность, выраженная прежде всего, вероятно, в частых длительных половодьях на сибирских реках, о чем свидетельствует активное освоение людьми надпойменных террас. Половодья, часто продолжительные, длившиеся иногда до конца лета (по аналогии с современными подтоплениями пойм Ишима и Тобола), приводили к кризису придомного выпаса скота — типа хозяйства, сложившегося в андроновское время. При невозможности заготовки кормов в долинах водоемов хозяйства постепенно переходили вначале к отгонному, а впоследствии — к кочевому скотоводству. Естественным образом ухудшение экологической обстановки, сказавшееся и на условиях использования рыбных и охотничьих ресурсов на севере таежной зоны, вело к оттоку части населения по долинам магистральных рек на юг. Процессы, происходившие в начале I тыс. до н.э. в обществах лесостепи Западной Сибири, неразрывно связаны с природными и культурными изменениями, характеристиками и развитие которых в лесостепных и южно-таежных районах Западной Сибири, в нашей интерпретации, кратко изложены ранее [Зах, 2010].

В дополнение к пониманию вышеобозначенных процессов переходного времени на южно-таежной и лесостепной территориях Приишимья и шире — Западной Сибири предлагаем обратить внимание на материалы многослойного городища Борки 1, на котором в 2012–2014 гг. исследованы комплексы с крестовой орнаментацией посуды и так называемой журавлевской керамикой. В основном журавлевские материалы из раскопов 2012–2013 гг. в пределах, ограниченных средневековыми укреплениями, были опубликованы [Зах и др., 2015а, с. 2016; Рябогина и др., 2015; Илюшина, 2018; Костомарова, 2018]. Материалы из раскопа 2014 г. опубликованы частично: это остеологические остатки [Рябогина и др., 2015] и четыре изделия — бронзовый наконечник стрелы, бронзовая застежка, литейная формочка и пряслице [Зах, 2015; Костомарова, 2018, рис. 1, 5, 6, 10, 14].

Целью работы является анализ журавлевских материалов из чистого слоя начала раннего железного века раскопа 2014 г., расположенного на площади раннего городища Борки 1 (с учетом данных по природным условиям и составу стада, полученных ранее), с постановкой вопроса о культурно-хронологической позиции этих материалов в свете исследований последних лет синхронных комплексов в лесном и лесостепном Ишимо-Иртыше и на более широкой территории Западной Сибири.

Журавлевский комплекс городища Борки 1 в Нижнем Приишимье

Материалы исследования

Городище Борки 1 открыто экспедицией Тобольского музея-заповедника под руководством И.А. Сыркиной в 1976 г. Расположено в Нижнем Приишимье (Викуловский р-н Тюменской обл.) в 0,8 км к югу от южной окраины д. Сартам и в 1,5 км к северо-северо-западу от д. Борки (рис. 1, 1). На мысу высокой надпойменной террасы правого берега р. Ишим, в сложной системе проток и стариц Барсука (Баурсына) и Ишима, в 23–25 м от уровня воды в рельефе прослеживаются две оборонительные системы, относящиеся к разным хронологическим периодам. Городище исследовалось экспедицией под руководством И.А. Сыркиной в конце 1970-х — начале 1980-х гг. [Сыркина, 1977, 1979, 1981]. В 2012–2014 гг. исследования были продолжены экспедицией ИПОС СО РАН, вскрыто 80, 132 и 64 м² соответственно. За все годы работ вскрыто около 798 м² площади памятника, из которых 734 м² — в пределах внутренней (средневековой) площадки и 64 м² — между оборонительными системами (рис. 1, 2). Полученные материалы позволяют проследить этапы заселения мыса и охарактеризовать культурные комплексы переходного времени от бронзы к раннему железу, начала раннего железного века и эпохи раннего средневековья.

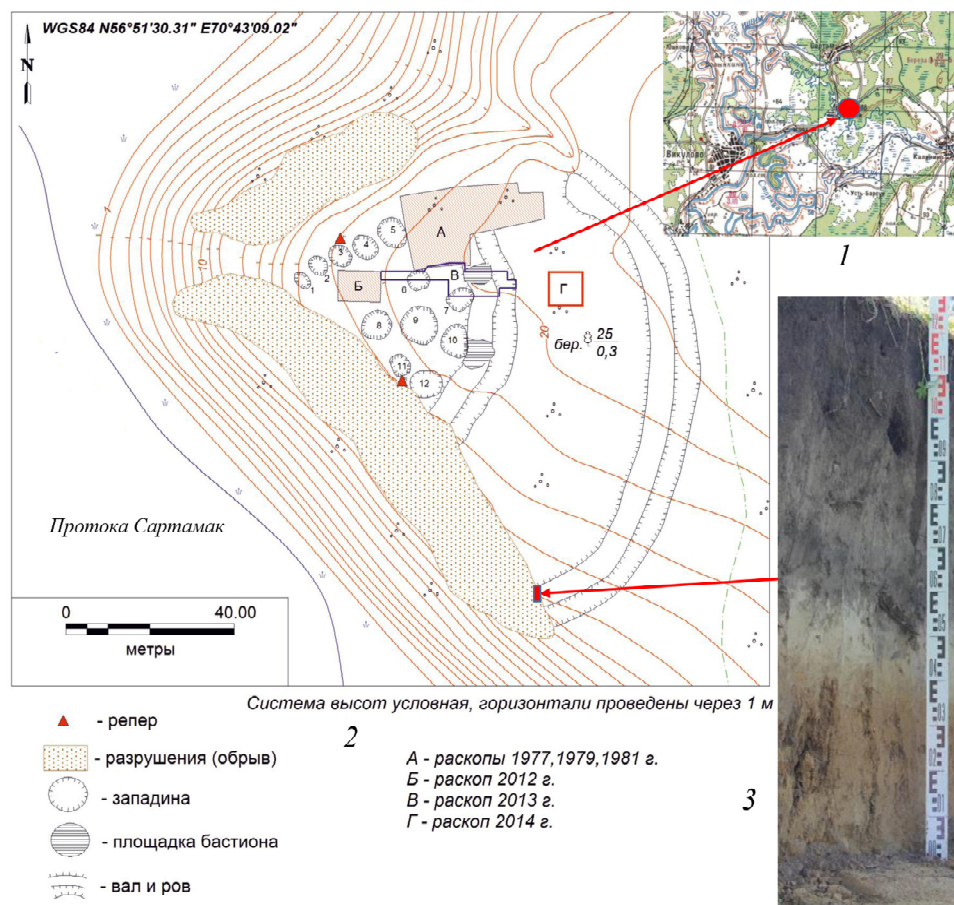

Рис. 1. Местоположение (1), план (2) и вид зачистки (3) внешнего вала городища Борки 1.
Fig. 1. Location (1), plan (2) and view of the cleaning (3) of the outer rampart of the Borki 1 settlement.

Площадь городища средневекового периода составляет около 1200 м², площадка ограничена валом шириной 6 м, высотой 1,1 м, на котором выделяются два бастиона. Ширина рва от 4 до 5 м, глубина в зависимости от рельефа колеблется в пределах 0,4–1,0 м. На внутренней жилой площадке городища прослеживалось 13 западин. Средневековые жилища фиксируются на поверхности в виде западин, материк не перерезают, очертания границ котлованов теряются в культурном слое. Керамика и изделия находят широкий круг аналогий в средневековых комплексах Западной Сибири [Матвеева и др., 2008; Рафикова, 2011; Зах и др., 2015b].

Исследования И.А. Сыркиной (1977, 1979, 1981 гг.), В.А. Заха (2012 г.), Д.Н. Еньшина (2013 г.) проводились в пределах площадки средневекового городища. Полученные материалы позволяют рассмотреть этапы заселения территории мыса. Судя по остаткам жилища подпрямоугольной формы, углубленного в материк на 0,2–0,36 м, в раскопе 2012 г., содержавшего посуду красноозерской культуры (с сузгунскими элементами и крестовой орнаментацией), первое поселение на мысу, ограниченное оврагом и обрывом террасы, появилось в конце эпохи бронзы, с началом проникновения на эти территории таежных мигрантов [Зах и др., 2016]. Первоначальный поселок, скорее всего, состоял из нескольких жилищ, не имел укреплений и занимал небольшую часть оконечности мыса, прилегающую к месту сочленения террасы р. Ишим и склона оврага.

На следующем этапе освоения территория поселка разрастается, углубленные в грунт жилища сменяются наземными; жилищная площадка ограничена ямами, из которых брался грунт для присыпки стен конструкции. Защищенная площадка начала раннего железного века занимает 3200 м² площади памятника. Ширина вала составляет 5–7 м, высота — около 0,4 м, ширина рва 5–7 м, глубина 0,3–0,7 м. Между рассматриваемой и средневековой системами обороны сооружения топографически не выражены.

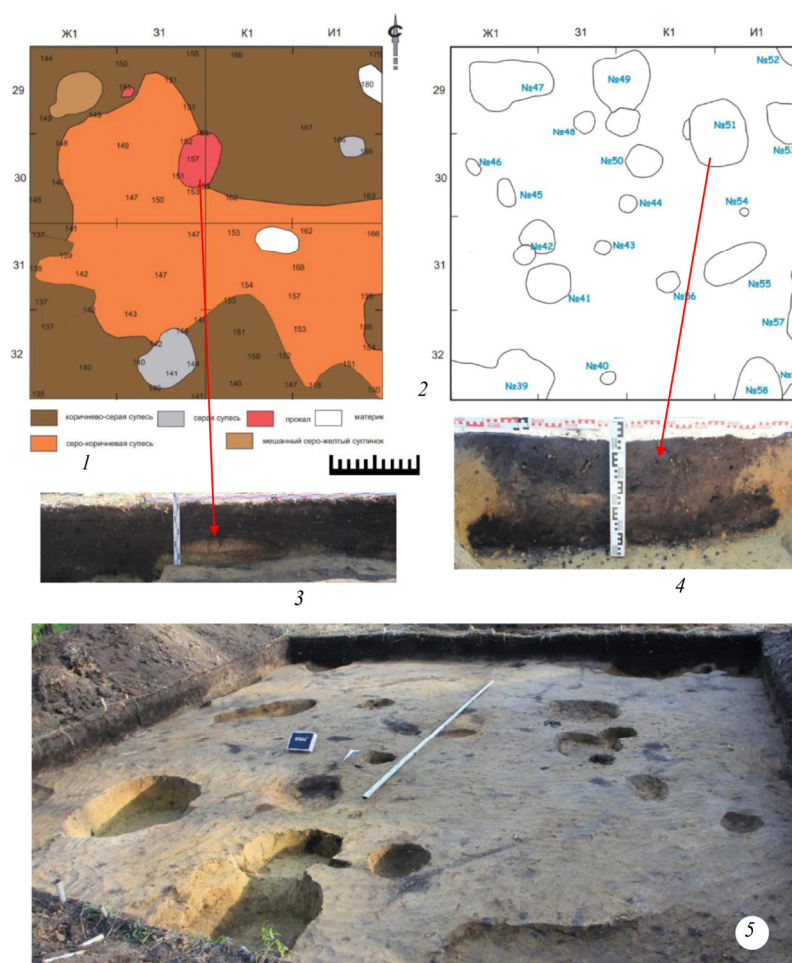

Рис. 2. Исследования комплекса городища Борки 1 (2014 г.):

1 — раскоп на уровне второго горизонта; 2 — раскоп на уровне материка; 3 — разрез очага;
4 — разрез ямы № 51; 5 — вид раскопа с ССЗ на уровне материка.

Fig. 2. Studies of the Borki 1 settlement complex (2014):

1 — excavation at the second level; 2 — excavation at the level of the mainland; 3 — section of the focus;
4 — section of pit no. 51; 5 — view of the excavation from the north-northwest at the level of the mainland.

Раскоп 2014 г. расположен между линиями обороны, вписан в сетку раскопов и находится в 8 м восточнее раскопа 2013 г. В отличие от предыдущих, в которых материалы перемешаны, в раскопе 2014 г., расположенном на второй площадке, в 10–15 м от рва и вала позднего горо-

Журавлевский комплекс городища Борки 1 в Нижнем Приишимье

дища, обнаружено лишь около 10 фрагментов средневековой посуды, керамика с крестовой орнаментацией полностью отсутствовала. Этот факт свидетельствуют о достаточно чистом комплексе начала раннего железного века, происходящем из рассматриваемого раскопа.

Жилище. Судя по исследованиям 2014 г., в начале раннего железного века на укрепленной площадке поселка сооружались наземные жилища, следы которых не фиксируются на современной поверхности. Остатки, вероятно, аналогичных построек отмечались в раскопах И.А. Сыркиной (1981 г.) и Д.Н. Еньшина (2013 г.).

Раскопом площадью 64 м² вскрыт участок с хозяйственными ямами, тремя скоплениями керамики, очагом на уровне материка, к югу от которого находился сосуд в обломках, а поодаль от него — одно из скоплений битой посуды (рис. 2, 1–4). Мощность напластований составляла около 0,5–0,7 м: плотный лесной дерново-гумусный слой — от 0,07 до 0,17 м, коричнево-серая супесь (культурный слой) — от 0,24 до 0,38 м, под ней залегал слой серо-коричневой супеси (погребенная почва) мощностью от 0,07 до 0,14 м. Заполнение ям, встреченных в материке, в основном представлено супесью серо-коричневого оттенка. Материк — желто-бурый суглинок.

В пределах раскопа выявлены ямы, из которых брался грунт для присыпки стен (завалинка). Практически полное отсутствие столбовых ямок и выраженных топографических признаков наземных жилищ со столбовой конструкцией, утепленных в том числе дерном и грунтом, на поверхности памятника, вероятно, свидетельствует о сооружении в пределах укрепленной площадки поселка начала раннего железного века срубных построек. Судя по расположению ям и прокала очага, расположенного практически в центре раскопа, жилище в виде сруба было поставлено непосредственно на древней поверхности. Для утепления конструкция с боков, скорее всего, была присыпана грунтом из ям, расположенных по периметру жилища, площадь которого могла составлять около 36 м² (рис. 2, 2, 5). В 20 ямах разных размеров и глубины, трех скоплениях, а также в основном в пределах второго и третьего горизонтов встречены керамика, изделия из бронзы, кости и глины.

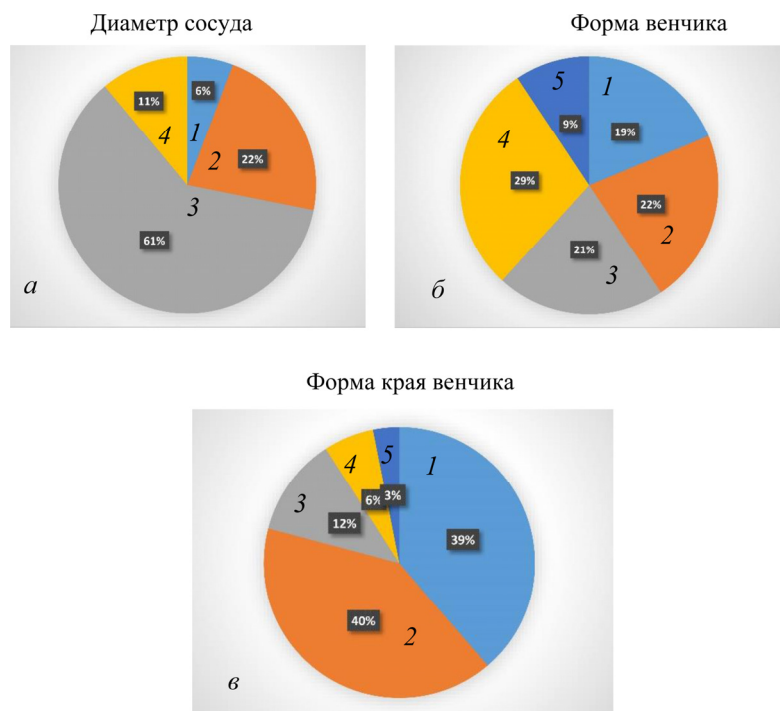

Рис. 3. Морфологические характеристики венчиков журавлевской посуды городища Борки 1: а: 1 — до 10 см; 2 — до 20 см; 3 — до 30 см; 4 — больше 30 см; б: 1 — с высоким «молчановским» профилем; 2 — низким «молчановским» профилем; 3 — слабопрофилированные отогнутые наружу; 4 — закрытой формы; в: 1 — округлый; 2 — уплощенный; 3 — с внутренним «карнизиком»; 4 — с наружным «карнизиком»; 5 — с внутренним и наружным «карнизиками».

Fig. 3. Morphological characteristics of the rims of Zhuravlevo dishes Borki 1 settlement: а: 1 — up to 10 cm; 2 — up to 20 cm; 3 — up to 30 cm; 4 — more than 30 cm; б: 1 — with high "Molchanovo" profile; 2 — low "Molchanovo" profile; 3 — slightly profiled bent outwards; 4 — closed form; в: 1 — rounded; 2 — flattened; 3 — with an internal "cornice"; 4 — with an external "cornice"; 5 — with an internal and external "cornice".

Керамический комплекс. На городище Борки 1 в раскопе 2014 г. керамика представлена 6608 фр., преимущественно относящимися к началу раннего железного века (журавлевскому) комплексу, из которых венчики составляют 1079 фр. Венчики по горизонтам распределены следующим образом: 1 гор. — 209 фр.; 2 гор. — 415 фр.; 3 гор. — 373 фр.; 82 фр. происходят из бровок. Для статистического анализа было отобрано 416 экз. наиболее информативных венчиков, представляющих, судя по композиции узоров, отдельные сосуды. Учитывались наиболее крупные фрагменты, которые давали представление о диаметре сосуда и его форме.

Посуда изготовлена из глины с естественной примесью песка и искусственными добавками в тесто шамота и органического раствора. Тело сосуда формировалось, возможно, лоскутами, наклепанными по спирали; толщина стенок составляет 4–7 мм. Обработка поверхности сосудов проводилась заглаживанием с применением гребенчатого штампа, щепки или пучка травы, внешняя поверхность обрабатывалась тщательнее, чем внутренняя [Зах и др., 2015а, с; Илюшина, 2018]. Посуда в основном горшковидной и баночной форм, со слегка приостренным или уплощенным дном, с округлым, уплощенным (с вариантами) срезом венчика. По размерам преобладают сосуды с диаметром устья от 20 до 30 см (61 %). Сосудов с диаметром устья до 10 см — 6 %, от 10 до 20 см — 22 %, более 30 см — 11 % (рис. 3, а). Среди горшковидных встречаются сосуды с высоким «молчановским» профилем (19 %), низким «молчановским» профилем (22 %); слабопрофилированные сосуды с отогнутым наружу венчиком составляют 21 % комплекса. В журавлевском комплексе городища Борки 1 присутствует 29 % сосудов закрытой формы с наклоненным в разной степени внутрь венчиком (рис. 3, б).

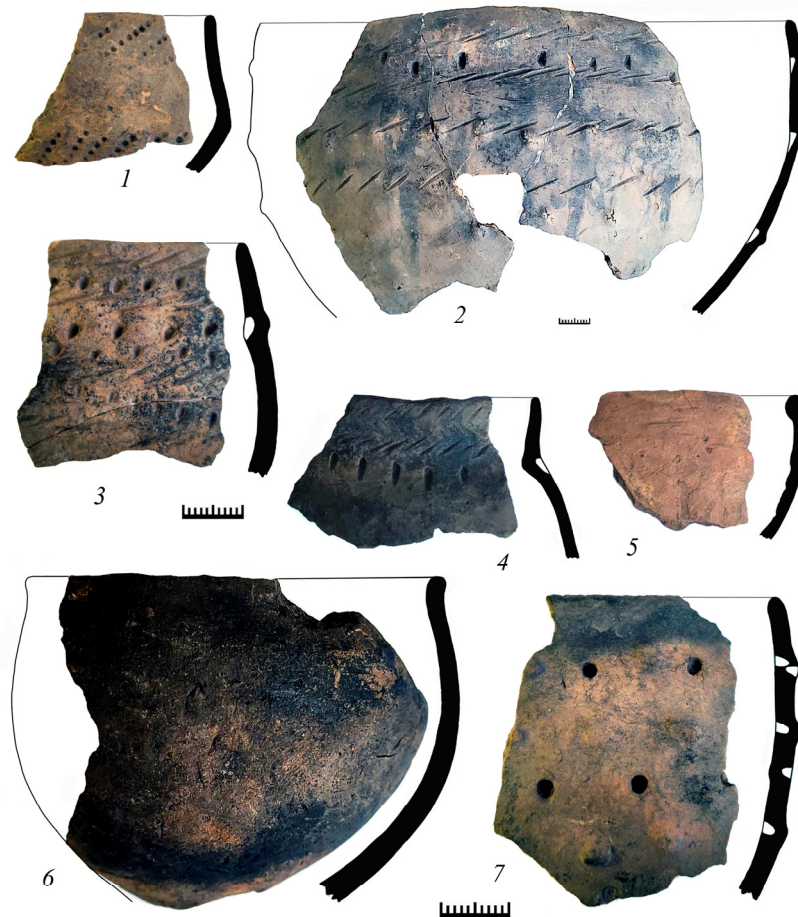

Рис. 4. Керамика журавлевского комплекса городища Борки 1.
Fig. 4. Ceramics of the Zhuravlevo complex of the Borki 1 settlement.

Форма края венчиков в основном округлая (39 %) или уплощенная (40 %). Кроме этого, присутствуют венчики с уплощенным краем и «карнизиком» с внутренней стороны (12 %), а также с

Журавлевский комплекс городища Борки 1 в Нижнем Приишимье

«карнизиком» с наружной стороны (6 %). У 3 % сосудов края венчиков уплощенные с «карнизиками» как с внутренней, так и с внешней стороны (рис. 3, в). В рассматриваемом комплексе городища Борки 1 около 2/3 посуды круглодонной горшковидной, 1/3 — круглодонной закрытой формы. На горшковидных сосудах орнамент нанесен в основном на треть поверхности, посуда закрытой формы орнаментирована, как правило, одним-двумя рядами «жемчужин», ямок или иных элементов. Около 4,0 % сосудов не орнаментировано. Наиболее распространенными элементами орнамента являются ряды резных линий (27,4 %) и линий, выполненных гребенчатым штампом, наклоненных вправо (31 %). Линий, наклоненных влево, меньше — 9,4 и 15,6 % соответственно; в сочетании с линиями, наклоненными вправо, они образуют горизонтальную елочку. Следующими наиболее распространенными элементами являются крупные каплевидные вдавления (23,5 %), круглые ямки, сделанные круглым стержнем и в виде креста (12,2 %), а также «жемчужины» (59,8 %) и «жемчужины» в сочетании с крупными вдавлениями (7,9 %). Остальные элементы орнамента (табл. 1) присутствуют на посуде реже — от 0,2 до 7,7 %.

Рис. 5. Керамика журавлевского комплекса городища Борки 1.
Fig. 5. Ceramics of the Zhuravlevo complex of the Borki 1 settlement.

Необходимо отметить следующее: орнамент на посуде журавлевского комплекса, при том что он кажется однотипным, в плане сочетаний элементов достаточно разнообразен. Эта особенность, наряду с вариативностью морфологических характеристик сосудов в пределах площади одного жилища, может свидетельствовать о том, что в рассматриваемый период происходили поиск и выработка канона как в форме, так и в орнаментации посуды.

Журавлевская керамика, таким образом, отражает, вероятно, процесс продолжающегося активного слияния аборигенной и пришлой культур, начало которого фиксируют красноозерские комплексы. В этой посуде мы видим продолжение гребенчато-ямочной орнаментальной традиции, свойственной местной сузгунской (как, впрочем, и пришлой атлымской) культуре эпохи поздней бронзы. Однако если для позднебронзовых и красноозерских керамических сосудов характерным разделителем орнаментальных зон является круглая ямка, то на журавлевской керамике ряды гребенчатых отпечатков или оттисков гладкого штампа, елочки, сетки отделяются ямками, «жемчужинами» или глубокими каплевидными вдавлениями. И если гребенчато-ямочная традиция орнаментации, фиксируемая на данной посуде, характерна как для аборигенного, так и для пришлого населения, то дуговидные («молчановские») шейки, отмечаемые на красноозерских и журавлевских сосудах, явно связаны с керамикой пришлого атлымского населения (рис. 4–6).

Орнаментация журавлевской посуды городища Борки 1, количество/%

Ornamentation of Zhuravlyovo pottery from the ancient settlement of Borki 1, quantity/%

Элементы орнамента (ряды)	Кол-во	%
Резная, прочерченная техника		
Резные линии, наклоненные вправо	114	27,4
Резные линии, наклоненные влево	39	9,4
Резные вертикальные линии	7	1,7
Сдвоенные горизонтальные короткие резные линии	32	7,7
Одиночная горизонтальная короткая резная линия	22	5,3
Резной одиночный вытянутый вертикально (треугольник) зигзаг	2	0,5
Резной двойной вытянутый вертикально (треугольник) зигзаг	1	0,2
Резные заштрихованные треугольники	1	0,2
Горизонтальная прочерченная линия	3	0,7
Резная сетка	11	2,6
Гребенчатая техника		
Гребенчатые линии, наклоненные вправо	129	31
Гребенчатые линии, наклоненные влево	65	15,6
Гребенчатые вертикальные линии	3	0,7
Сдвоенные горизонтальные короткие гребенчатые линии	20	4,8
Одиночная горизонтальная короткая гребенчатая линия	18	4,3
Гребенчатый двойной вытянутый вертикально (треугольник) зигзаг	3	0,7
Гребенчатая сетка	27	6,5
Горизонтальная гребенчатая линия	1	0,2
Сдвоенный горизонтальный гребенчатый зигзаг	1	0,2
Вдавления, ямки, «жемчужины»		
Крупные каплевидные вдавления	98	23,5
Мелкие каплевидные вдавления	20	4,8
Строенные мелкие каплевидные вдавления	3	0,7
U-образные вдавления	3	0,7
Крупные каплевидные вдавления, выполненные гребенчатым штампом	26	6,2
Ряд круглых, овальных и сделанных крестом ямок	51	12,2
Ряд «жемчужин»	249	59,8
«Жемчужина», сформированная «защипами»	7	1,7
«Жемчужина» в сочетании с крупными вдавлениями	33	7,9
«Жемчужина» в сочетании с круглыми, овальными ямками	20	4,8
«Жемчужина» в сочетании с гладкими оттисками	9	2,2
Без орнамента	17	4,0
Всего сосудов	416	100

Остеологический материал. Остеологические остатки, обнаруженные в раскопе 2014 г. на городище Борки 1, представлены 1479 экз. костей, из которых видовая принадлежность определена для 344 экз.¹ Больше количество неопределимых костей, вероятно, представлены кухонными остатками, которые сильно раздроблены. Из определимых остатков количество костей домашних и диких животных составляет 282 (82 %) и 62 (18 %) соответственно. Среди домашних 49,6 % — кости крупного рогатого скота, 9,0 % остатков принадлежат мелкому рогатому скоту и 22,4 % — лошади. Кости собаки представлены 0,2 %, относятся к одной особи. Среди диких

¹ Материал обрабатывался и определялся аспирантом Института криосферы Земли СО РАН А.В. Кисагуловым.

Журавлевский комплекс городища Борки 1 в Нижнем Приишмье

кости лося составляют 15,7 %, в пределах 0,1–0,3 % в остеологическом комплексе определены остатки косули, бобра и лисицы [Рябогина и др., 2015].

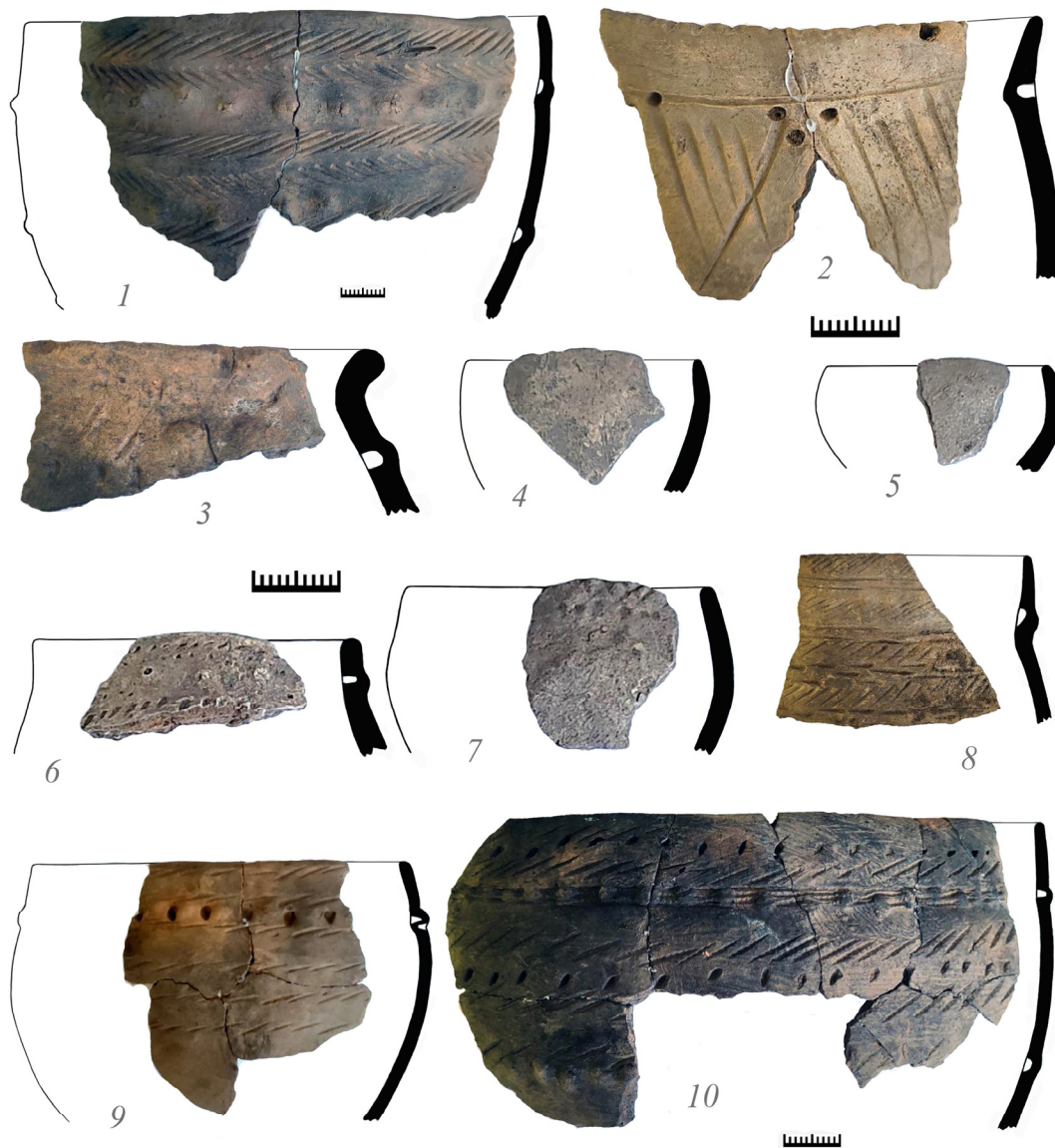

Рис. 6. Кермика журавлевского комплекса городища Борки 1.
Fig. 6. Ceramics of the Zhuravlevo complex of the Borki 1 settlement.

Инвентарь. Представлен незначительным количеством целых и обломками изделий из бронзы, железа, кости и глины, большинство которых обнаружено на уровне второго и третьего горизонтов.

Изделия из бронзы. Обломок кончика ножа размером около 3 см, с сечением лезвия треугольной формы (рис. 7, 2). Аналогичные изделия распространены на обширной территории в широком хронологическом диапазоне. Проколка представляет собой предмет длиной около 6 см, имеет четырехугольное сечение, основание слегка расплющено (рис. 7, 1). Подобные предметы встречаются на широкой территории в эпоху бронзы и раннего железа. Наконечник стрелы трехлопастной формы с прямым основанием, небольшими шипами и выступающей втулкой. Длина изделия около 3 см (рис. 7, 4). Подобные отмечают на широкой территории степей и лесостепей Евразии в пределах VIII–VI вв. до н.э. (см., напр.: [Археология СССР, 1989]). Бронзовая застёжка (пуговица) стержневидной формы с небольшими утолщениями на концах и перехватом в центре, длиной около 6 см (рис. 7, 3). Похожие предметы, но из разных

материалов (дерева, кости, камня и бронзы) встречаются в степи и лесостепи Северной Евразии в VIII–VI вв. до н.э. (см., напр.: [Грязнов, 1956, 1980; Костомарова, 2018]). Кроме того, найдено 5 бронзовых сплесков разной формы и размеров.

Изделия из железа. Железная игла — достаточно сильно корродированное изделие в виде стерженька небольшого диаметра. Подобные встречаются на территории Западной Сибири с конца VIII в. до н.э. [Могильников, 1992].

Рис. 7. Инвентарь журавлевского комплекса городища Борки 1:

1 — проколка; 2 — обломок ножа; 3 — застежка; 4 — наконечник стрелы; 5, 7, 8 — обломки литейных форм; 6, 12, 13 — пряслица; 9, 11 — обломки изделий; 10 — обломок блюда: 1–4 — бронза; 9, 11 — кость; остальное — глина.

Fig. 7. Inventory of the Zhuravlevo complex of the Borki 1 settlement:

1 — piercing; 2 — fragment of knife; 3 — fastener; 4 — arrowhead; 5, 7, 8 — fragments of molds; 6, 12, 13 — spinning tools; 9, 11 — fragments of products; 10 — fragment of dish: 1–4 — bronze; 9, 11 — bone; the rest is clay.

Предметы из кости. Обнаружено два изделия. Первое представляет собой плоское с обломанным приостренным концом орудие длиной около 15 см, шириной около 2,5 см. В месте, где изделие сужается, находится отверстие (рис. 7, 11). Второе — обработанная кость животного, в эпифизе которой проделано отверстие. Длина орудия около 9 см, ширина 2 см (рис. 7, 9).

Изделия из глины. Наиболее многочисленная категория, встречаются целые экземпляры и обломки литейных форм, пряслица и обломки блюд. Из литейных форм интересна одна целая створка, скорее всего, для отливки наконечника стрелы или гарпуна (рис. 7, 5). «Негатив» на поверхности формы, полученный прочерчиванием, по мнению Ю.В. Костомаровой, не предназначался для использования, а изделие «представляет собой лишь имитацию формы» [2018].

Из более чем 30 обломков форм выделяются два крупных фрагмента для отливки, видимо, кельтов (рис. 7, 6, 7). Пряслица — целые изделия и обломки, орнаментированные и без орнамента (рис. 7, 6, 12, 13). Глиняные изделия этого типа с эпохи бронзы широко распространяются на степных и лесостепных территориях Западной Сибири. Блюда или миниатюрные чашечки — обломки емкостей небольшого объема, невысоких, с прямыми или слегка отогнутыми внутрь или наружу венчиками (рис. 7, 10). Широкое распространение получают с эпохи бронзы и раннего железа (см., напр.: [Зах, 2009, рис. 5, 1; Илюшина и др., 2019, рис. 6, 1–3]).

Обсуждение и результаты

Палеопалинологические исследования показывают, что укрепленный журавлевский поселок существовал в окружении березовых травяных лесов, мало отличающихся от современных, но, вероятно, в условиях большей увлажненности, чем во время функционирования здесь красноозерского поселения. На территории журавлевского поселка была распространена сорная растительность рудеральной группы, кроме этого, отмечаются луговые и опушечные виды [Рябогина и др., 2015]. Видовой состав животных, мясо которых употреблялось в пищу, подтверждает, что журавлевское население практиковало присваивающие и производящие формы хозяйства. Добывали в основном лося и пушные виды, специализировались на разведении крупного рогатого скота при определенной доле в стаде лошади и мелкого рогатого скота [Там же, с. 163].

Исследования 2014 г. на городище Борки 1 заставляют подвергнуть сомнению достоверность выделения И.А. Сыркиной [1977, 1979, 1981], а затем и Е.М. Данченко [1996] по результатам прежних работ трех жилых и одной хозяйственной (?) постройки с котлованами, углубленными в материк. На планах раскопов 1978–1982 гг. жилища отмечены И.А. Сыркиной пунктирной линией, что уже вызывает вопросы, в том числе относительно соответствия реальным границам сооружений. Если качество отчетов, и в частности отсутствие фотографий сооружений, не позволяет достоверно оценить ситуацию, то исследования на городище Борки 1 в 2000-х гг. определенно свидетельствуют о существовании в начале раннего железного века жилищ наземного, скорее всего, срубного типа. Кроме того, установлено, что позднежуравлевское население укрепленного поселка Марай 4 в Нижнем Приишимье сооружало жилища каркасно-столбовой конструкции, которые хорошо фиксируются топографически, а ямки от столбов и ямы, из которых брался грунт для присыпки стен, отмечены в раскопе [Илюшина и др., 2019, рис. 1, 3].

Журавлевские керамические материалы и инвентарь из раскопа 2014 г. прежде всего аналогичны полученным в результате предыдущих исследований на площади городища Борки 1 в пределах внешнего рва и вала [Зах и др., 2015а, с; Илюшина, 2018]. Наиболее близкие аналогии рассматриваемый комплекс городища находит в материалах как памятников Нижнего Приишимья: поселения Боровлянка 2, городища Ласточкино Гнездо 1, укрепленного поселения Марай 4, так и памятников Ямсыса 7, Кип 3, Новоникольское 3 и других, расположенных в южно-таежном Приишимье и Прииртышье (см., напр.: [Панфилов и др., 1991; Зах, 2009; Илюшина, Рафикова, 2018; Илюшина и др., 2019; Данченко, 1996, с. 23–32]).

Отмечаются некоторые различия керамических комплексов городища Борки 1 с материалами прииртышских и приишимских журавлевских памятников, заключающиеся в вариациях формы верхней части сосудов, наличии или отсутствии тех или иных элементов орнамента и степени орнаментированности посуды. Эти различия, вероятно, отражают процессы сложения журавлевских комплексов, а также говорят о разных хронологических позициях памятников в интервале от начала взаимодействия аборигенного позднебронзового сузгунского и пришлого (с крестовой керамикой) населения до появления носителей богочановской культуры (со слабоорнаментированной посудой) раннего железного века. Мы полностью разделяем точку зрения Е.М. Данченко о том, что развитие журавлевской посуды происходило при участии различных традиций, «вес и соотношение которых в разных частях ареала могли быть неодинаковыми», что оказывало влияние на форму и орнаментацию керамики [1996, с. 32]. В итоге, по мнению исследователя, «отмеченные различия сглаживаются, и она приобретает более стереотипный облик, постепенно трансформируясь в керамику богочановского типа» [Там же, с. 32]. Действительно, отмечается количественное сокращение сосудов с «молчановскими» профилями и увеличение горшков с короткими шейками и посуды закрытой формы. Происходит уменьшение насыщенности сосудов орнаментом, который становится более однообразным: как правило, это единичные наклонные линии, ямки, «жемчужины» или их сочетания.

В своей диссертационной работе и монографии Е.М. Данченко обоснованно включил журавлевские комплексы в качестве раннего типа (этапа) в состав богочановской культуры, охва-

тывающей в основном южно-таежные территории Прииртышья и отчасти Приишимья, датированной им VI–II вв. до н.э. [1991, 1996]. Однако сегодня, с открытием и исследованием новых материалов в лесостепной части Нижнего Приишимья, полагаем, что требуется некоторая корректировка представлений, связанных с пониманием участия (и хронологической позиции) журавлевских комплексов в процессах переходного времени к раннему железному веку. О необходимости уточнения хронологических границ выделенных этапов и богочановской культуры в целом писал и сам Е.М. Данченко [1991, с. 20].

Журавлевские материалы очевидно имеют переходный характер, и, на наш взгляд, их правомерно рассматривать в рамках периода от начала слияния местной сузгунской и пришлой атлымской культур до полного растворения в местной среде пришлого населения и формирования новой стабильной культуры [Зах, 2013]. Такой стабильной культурой в Нижнем Приишимье и Притоболье является саргатская, керамический комплекс которой практически не меняется на протяжении длительного времени. Вероятно, предшествующими саргатской на южно-таежных территориях Приишимья и Прииртышья были богочановские комплексы (богочановский этап богочановской культуры по Е.М. Данченко). В лесостепных же районах исследователи называют в качестве таких близкие к баитовским или испытавшие влияние баитовских комплексы, обнаруженные, в частности, на укрепленном поселении Марай 4 и Лихачевском городище (см., напр.: [Илюшина и др., 2019; Цембалюк, Берлина, 2014]). По нашему же мнению, саргатской культуре в лесостепном Нижнем Приишимье предшествуют материалы, аналогичные комплексу поселения Озеро Ченчерь 6 [Волков, 2001]. Как принято считать, и это логично, баитовские комплексы Притоболья сформировались на основе комплексов восточного варианта иткульской культуры, сложившихся при слиянии бархатовской и гамаюнской культур [Зимица, Зах, 2009]. В лесостепном Нижнем Приишимье ченчерские материалы раннего железного века оформились на основе журавлевских, образовавшихся при взаимодействии сузгунской и атлымской культур. Разница баитовских и ченчерских комплексов очевидна и заключается прежде всего в присутствии в последних гребенчато-ямочной орнаментальной компоненты, отмечаемой в составе как сузгунской, так и атлымской культуры.

Отдавая должное вкладу Е.М. Данченко в исследования культуры раннего железного века южно-таежного Прииртышья, считаем, в свете недавних изысканий, своевременным поставить вопрос о целесообразности включения журавлевских материалов как этапа в состав красноозерской культуры, что, конечно, требует детального обоснования в отдельной работе.

Что касается бронзового и другого инвентаря из рассмотренного и других памятников переходного времени на обширной территории, то в нем отмечается определенное единообразие. Так, в закрытом журавлевском комплексе (яма № 23 сооружения 2) городища Борки 1 [Зах и др., 2015с] обнаружены обломки форм пластинчатых ножей с каплевидным отверстием в рукояти, кельтов с двумя ушками, кинжалов с бабочковидным перекрестием, а в культурном слое — бронзовые наконечники стрел с выступающей втулкой и бронзовая застежка, подобные которым вместе или по отдельности встречаются в комплексах степного пояса Евразии от Тувы до Причерноморья (см., напр.: [Грязнов, 1956, 1980; Археология СССР..., 1989; Кадырбаев, 1984; Вишневская, 1973; Тишкин, 2008; Хабдулина, 1994; Троицкая, Бородовский, 1994, табл. LI, 3; Мартынова, Покровская, 1979, рис. 57, 11–17]) и датируются началом раннего железного века, скорее всего в пределах VIII–VI вв. до н.э.

Заключение

Рассмотренные журавлевские материалы переходного времени от бронзы к раннему железному веку городища Борки 1 позволяют дополнить представления о природном окружении и системе жизнеобеспечения населения начального периода эпохи раннего железа в Нижнем Приишимье. Укрепленный поселок функционировал на высокой надпойменной террасе с сорной растительностью рудеральной группы, луговыми и опушечными видами, в окружении березовых травяных лесов, близких к современным, вероятно, в более увлажненных условиях, чем непосредственно предшествующие им в красноозерское время [Рябогина и др., 2015]. Исследования на городище Борки 1 в 2014 г. определенно свидетельствуют, что в рассматриваемый период сооружались жилища наземного, скорее всего, срубного типа. Несколько позднее журавлевское население укрепленного поселка Марай 4, расположенного южнее, строило жилища каркасно-столбовой конструкции.

Различия в керамике и инвентаре даже в ряде журавлевских комплексов, не говоря уже о материалах богочановского типа, имеющих вместе с тем определенную преемственность между собой, позволяют говорить о поэтапном развитии культуры переходного времени в Нижнем Прииши-

Журавлевский комплекс городища Борки 1 в Нижнем Приишимье

мье. Высоко оценивая обстоятельные исследования Е.М. Данченко, предложившего концепцию двухэтапного (журавлевский и богочановский этапы) развития богочановской культуры раннего железного века, сегодня, полагаем, есть основания рассматривать журавлевские комплексы в составе красноозерской культуры, как заключающей в себе качественно и хронологически процессы переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку, существовавшей от слияния сузгунских и атлымских комплексов до формирования саргатской культуры.

Опираясь на аналогии керамике и бронзовому инвентарю из рассмотренных материалов городища Борки 1, датируем его журавлевский комплекс в пределах VIII–VI вв. до н.э.

Финансирование. Работа выполнена по госзаданию № 121041600045-8, проект «Западная Сибирь в контексте Евразийских связей: человек, природа, социум».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время.* М.: Наука, 1989. 464 с.
- Вишневская О.А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. (по материалам Уйгарака). М.: Наука, 1973. 160 с.
- Волков Е.Н.* Археологические исследования в Казанском районе Тюменской области в 1998–1999 гг. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2001. № 3. С. 226–231.
- Грязнов М.П.* Аржан — царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 63 с.
- Грязнов М.П.* История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. 1956. № 48. 170 с.
- Данченко Е.М.* Ранний железный век южнотаежного Прииртышья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. 21 с.
- Данченко Е.М.* Южнотаежное Прииртышье в середине — второй половине I тыс. до н.э. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1996. 212 с.
- Зах В.А.* Городище Ласточкино Гнездо 1 в Нижнем Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 11. С. 67–80.
- Зах В.А.* Общее и частное в культурах переходного времени от бронзы к раннему железному веку лесостепи Западной Сибири // Культура как система в историческом контексте: Опыт западно-сибирских археолого-этнографических совещаний: Материалы XV Международ. Зап.-Сиб. археол. конф., Томск, 19–21 мая 2010 г. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 340–342.
- Зах В.А.* К понятию «переходный период» в археологии Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 2 (21). С. 20–27.
- Зах В.А.* Об одной категории изделий раннескифского времени // Археологические изыскания в Западной Сибири и на сопредельных территориях: Сборник научно-исследовательских работ по итогам конференции, посвященной 90-летию проф., д-ра ист. наук Т.Н. Троицкой. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015. С. 88–92.
- Зах В.А., Данченко Е.М., Еньшин Д.Н., Тигеева Е.В., Костомаров В.М., Илюшина В.В.* Комплексы переходного от бронзы к железу и раннескифского времени городища Борки 1 в Приишимье // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Материалы Всерос. конф., г. Тюмень, 6–10 апр. 2015 г. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2015а. Вып. 3. С. 132–135.
- Зах В.А., Еньшин Д.Н., Рафикова Т.Н., Костомаров В.М., Илюшина В.И.* Раннесредневековые комплексы городища Борки 1 в Нижнем Приишимье // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Материалы Всерос. конф., г. Тюмень, 6–10 апр. 2015 г. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2015б. С. 127–132.
- Зах В.А., Зимина О.Ю., Илюшина В.В., Данченко Е.М., Еньшин Д.Н.* Керамический комплекс финала бронзы и переходного времени к эпохе железа с Борковского городища (по результатам работ 2012–2013 гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 4 (35). С. 33–47.
- Зах В.А., Илюшина В.В., Тигеева Е.В., Еньшин Д.Н., Костомаров В.М.* Закрытый журавлевский комплекс городища Борки 1 в Нижнем Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015с. № 2 (29). С. 4–14.
- Зимина О.Ю., Зах В.А.* Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск: Наука, 2009. 232 с.
- Илюшина В.В.* Журавлевский керамический комплекс раннего этапа эпохи железа городища Борки 1 (по результатам работ 2013–2014 гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 3 (42). С. 41–52.
- Илюшина В.В., Зах В.А., Еньшин Д.Н., Тигеева Е.В., Кисагулов А.В.* Комплекс укрепленного поселения Марай 4 начала раннего железного века лесостепного Приишимья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 3 (46). С. 29–47.
- Илюшина В.В., Рафикова Т.Н.* Комплекс раннего этапа эпохи железа городища Ласточкино Гнездо 1 в Нижнем Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 4 (43). С. 61–73.
- Кадырбаев М.К.* Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984. С. 84–93.

Зах В.А.

Костомарова Ю.В. Инвентарный комплекс журавлевского населения Нижнего Приишимья (по материалам 2012–2014 гг. городища Борки 1) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 4 (43). С. 51–60.

Мартынова Г.С., Покровская Н.Ф. Раскопки третьего Тисульского курганного могильника // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1979. С. 100–126.

Матвеева Н.П., Берлина С.В., Рафикова Т.Н. Коловское городище. Новосибирск: Наука, 2008. 240 с.

Могильников В.А. Ранний железный век лесостепи Западной Сибири // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 274–283.

Панфилов А.Н., Зах Е.М., Зах В.А. Боровлянка 2 – памятник неолита и переходного от бронзы к железу времени в Нижнем Приишимье // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1991. С. 25–50.

Рафикова Т.Н. Бакальская культура лесостепного и подтаежного Тоболо-Ишимья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2011. 19 с.

Рябогина Н.Е., Иванов С.Н., Афонин А.С., Кисагулов А.В. Палеоботанические и археозоологические исследования на городище Борки 1: (Приишимье в начале I тыс. до н.э.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 4 (31). С. 157–164.

Тишкин А.А. Бронзовый кинжал раннескифского времени с Алтая // Случайные находки: Хронология, атрибуция, историко-культурный контекст: Материалы тематич. науч. конф. Санкт-Петербург, 16–19 декабря 2008 г. СПб., 2008. С. 79–84.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: Наука, 1994. 184 с.

Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы: Ракурс, 1994. 170 с.

Цембалюк С.И., Берлина С.В. Комплекс раннего железного века городища Лихачевское в Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 3 (26). С. 55–65. URL: http://www.ipdn.ru/_private/a26/55-65.pdf.

ИСТОЧНИКИ

Сыркина И.А. Отчет Тобольского Государственного историко-архитектурного музея-заповедника об археологических исследованиях на территории Тюменской области в 1977 году // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 6785.

Сыркина И.А. Отчет Тобольского Государственного историко-архитектурного музея-заповедника об археологических исследованиях в Викуловском районе Тюменской области в 1979 году // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 7636.

Сыркина И.А. Отчет об археологических раскопках городища близ с. Борки Викуловского района Тюменской области в 1981 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 8882.

Zakh V.A.

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Cherishhevskiy trakt, 13, Tyumen, 625028, Russian Federation
E-mail: viczakh@mail.ru

Zhuravlevo complex of the of Borki 1 hillfort in the Lower Ishim River Basin

At the end of the Late Bronze Age, there were events taking place in the history of the Eurasian steppes that manifested the beginning of the formation of cultures of the Scythian type. These processes, in many aspects triggered by the climate changes, spread into both southern taiga and forest-steppe territories of Western Siberia. In understanding the processes of the transitional period from the Bronze to Early Iron Age and beginning of the Early Iron Age in the southern taiga and forest-steppe Ishim River Basin, a major role pertains to the materials of the multi-layered hillfort of Borki 1, in the study of which, as well as of the cultures of the concerned period in general, a significant contribution was made by E.M. Danchenko (1991, 1996). The site is located nearby the village of Borki of Vikulovo District, Tyumen Oblast. This paper aims at the analysis and introduction into the scientific discourse of the materials of the Zhuravlevo type from the excavation trench of 2014 with the clean archaeological layer of the beginning of the Early Iron Age. During this period, the fortified platform of the hillfort was overbuilt with dwellings of the above-ground type, probably timber crib. The Zhuravlevo ware of the settlement finds its closest similarities in the materials of the sites of the Lower Ishim Basin: the settlement of Borovlyanka 2, hillfort of Lastochkino Gnezdo 1, fortified settlement of Maray 4, as well as the sites of Yamsysa 7, Kip 3, Novonikolskoe 3 and others in the southern-taiga Ishim-Irtysh area. Differences in the pottery and material culture assemblages even within a range of the Zhuravlevo complexes, not to mention the later ones of the Bogochanovo type, which have certain continuity with the aforementioned complexes, help to reveal evolutionary development of the culture of the transitional period in the Lower Ishim Basin and to raise the issue of the revision of its chronology and periodization. Giving the studies of E.M. Danchenko credit for unification of the Zhuravlevo and Bogochanovo types within the framework of the Bogochanovo Culture of the Early Iron Age, we believe that it would be more logical to consider earlier, Zhuravlevo, materials as a stage in the development of the Krasnoozerka Culture. The existence

of the latter we tend to define from the mergence of the Suzgun and Atlym complexes to the formation of the steady Sargatka Culture. In spite of certain dissimilarities in the ware originating from the forest-steppe territories of the Lower Tobol River Basin, Ishim-Irtysh interfluvium, Baraba and the Ob River Basin, it still seems that the processes of the development of the cultures of the concerned period in these regions have similarity in many aspects. There is a notable uniformity in the bronze assemblages of the sites of these and much wider territories. Products, similar to those found at the hillfort of Borki 1, are present in the complexes of the steppe belt of Eurasia from Tuva to the Circumpontic area and date to, most likely, the period within the 8th–6th cc. BC.

Keywords: Lower Ishim River Basin, Borki 1 settlement, transitional period from Bronze to Early Iron Age, Zhuravlevo ware, inventory, beginning of the Early Iron Age.

REFERENCES

- Danchenko, Ye.M. (1991). *Early Iron Age of the southern taiga of the Irtysh region: Abstract of the dissertation of the candidate of historical sciences*. Moscow, 1991. (Rus.).
- Danchenko, Ye.M. (1996). *South taiga Irtysh region in the middle — second half of the 1st millennium BC*. Omsk: Izd-vo OmGPU. (Rus.).
- Gryaznov, M.P. (1956). The history of the ancient tribes of the Upper Ob according to excavations near the village Bol'shaya Rechka. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, (48). (Rus.).
- Gryaznov, M.P. (1980). *Arzhan, the tsar burial mound of the Early Scythian time*. Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Ilyushina V.V. (2018). Zhuravlevo ceramic complex of the early stage of the Iron Age of the Borki 1 site (based on the results of 2013–2014 research). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (3), 41–52. (Rus.).
- Ilyushina, V.V., Rafikova, T.N. (2018). The Complex of the Early Stage of the Iron Age at the Lastochkino Gnezdo 1 settlement in the Lower Ishim Region. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 43(4), 61–73. (Rus.).
- Ilyushina, V.V., Zakh, V.A., Yen'shin, D.N., Tigeyeva, Ye.V., Kisagulov, A.V. (2019). The complex of the fortified settlement Marai 4 of the beginning of the Early Iron Age of the forest-steppe Ishim river basin. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 46(53), 29–47. (Rus.).
- Kadyrbayev, M.K. (1984). Burial necropolises of the upper reaches of the river Ilek. In: *Drevnosti Yevrazii v skifo-sarmatskoye vremya*. Moscow: Nauka, 84–93. (Rus.).
- Khabdulina, M.K. (1994). *Steppe Ishim river region in the Early Iron Age*. Almaty: Rakurs. (Rus.).
- Kostomarov Yu.V. (2018). Inventory complex of the Zhuravlev population of the Lower Ishim region (based on the materials of 2012–2014 of the ancient settlement of Borki 1). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 43(4), 51–60. (Rus.).
- Martynova, G.S., Pokrovskaya, N.F. (1979). Excavations of the third Tisul burial mound. In: *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri*. Kemerovo, 100–126. (Rus.).
- Matveyeva, N.P., Berlina, S.V., Rafikova, T.N. (2008). *Kolovskoe settlement*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Meliukova, A.I. (Ed.) (1989). *Archeology of the USSR. Steppes of the European part of the USSR in the Scythian-Sarmatian time*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Mogil'nikov, V.A. (1992). Early Iron Age of forest-steppe of Western Siberia. *Stepnaia polosa Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya*. Moscow: Nauka, 274–283. (Rus.).
- Panfilov, A.N., Zakh, Ye.M., Zakh, V.A. (1991). Borovlyanka 2 is a monument of the Neolithic and the transitional period from Bronze Age to Iron Age in the Lower Ishim region. In: *Istochniki etnokul'turnoy istorii Zapadnoy Sibiri*. Tyumen': Izd-vo TyumGU, 25–50. (Rus.).
- Rafikova, T.N. (2011). *Bakal culture of the forest-steppe and subtaiga Tobol-Ishim region: Abstract of the dissertation of the candidate of historical sciences*. Tyumen'. (Rus.).
- Ryabogina, N.Ye., Ivanov, S.N., Afonin, A.S., Kisagulov, A.V. (2015). Paleobotanical and archaeozoological studies at the site Borki 1: (Ishim region at the beginning of the 1st millennium BC). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 31(4), 157–164. (Rus.).
- Tishkin, A.A. (2008). Bronze dagger of the Early Scythian time from the Altai. In: *Sluchaynyye nakhodki: Khronologiya, atributsiya, istoriko-kul'turnyy kontekst: Materialy tematich. nauch. konf.* St. Petersburg, 79–84. (Rus.).
- Troitskaya, T.N., Borodovskiy, A.P. (1994). *Bolshaya Rechka culture of the forest-steppe Ob region*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Tsembalyuk, S.I., Berlina, S.V. (2014). Complex of the Early Iron Age of the settlement Likhachevskoe in the Ishim region. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 26(3), 55–65. (Rus.). URL: http://www.ipdn.ru/_private/a26/55-65.pdf
- Vishnevskaya, O.A. (1973). *Culture of the Saka tribes in the lower reaches of the Syrdarya in the 7th–5th centuries. BC (based on materials from Uygarak)*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Volkov, Ye.N. (2001). Archaeological research in the Kazanskoe district of the Tyumen region in 1998–1999. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (3), 226–231. (Rus.).
- Zakh, V.A. (2009). Settlement Lastochkino Gnezdo 1 in the Lower Ishim Region. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (11), 67–80. (Rus.).
- Zakh, V.A. (2010). General and particular in the cultures of the transitional period from the Bronze Age to the Early Iron Age in the forest-steppe of Western Siberia. In: *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: Opyt zapadno-sibirskikh arkheologo-etnograficheskikh soveshchaniy: Materialy XV Mezhdunarodnoy Zapadno-Sibirskoy arkheologicheskoy konferentsii*. Tomsk: Agraf-Press, 340–342. (Rus.).

Зах В.А.

Zakh, V.A. (2013). To the concept of “transitional period” in the archeology of Western Siberia. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 21(2), 20–27. (Rus.).

Zakh, V.A. (2015). About one category of products of the early Scythian time. In: *Arkheologicheskiye izyskaniya v Zapadnoy Sibiri i na sopredel'nykh territoriyakh: Sbornik nauchno-issledovatel'skikh rabot po itogam konferentsii, posvyashchennoy 90-letiyu professora, doktora istoricheskikh nauk T.N. Troitskoy*. Novosibirsk: Izd-vo NGPU, 88–92. (Rus.).

Zakh, V.A., Danchenko, Ye.M., Yen'shin, D.N., Tigeyeva, Ye.V., Kostomarov, V.M., Ilyushina, V.V. (2015a). Complexes of the transition from Bronze to Iron Age and the Early Scythian time of the settlement of Borki 1 in the Ishim region. In: *Chelovek i Sever: Antropologiya, arkheologiya, ekologiya. Vyp. 3*. Tyumen': Izd-vo IPOS SO RAN, 132–135. (Rus.).

Zakh, V.A., Ilyushina, V.V., Tigeyeva, Ye.V., Yen'shin, D.N., Kostomarov, V.M. (2015c). Closed Zhuravlevskiy complex of the ancient settlement Borki 1 in the Lower Ishim region. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 29(2), 4–14. (Rus.).

Zakh, V.A., Yen'shin, D.N., Rafikova, T.N., Kostomarov, V.M., Ilyushina, V.I. (2015b). Early Medieval Complexes of Borki 1 Settlement in the Lower Ishim Region. In: *Chelovek i Sever: Antropologiya, arkheologiya, ekologiya*. Tyumen': Izd-vo IPOS SO RAN, 127–132. (Rus.).

Zakh, V.A., Zimina, O.Yu., Ilyushina, V.V., Danchenko, Ye.M., Yen'shin, D.N. (2016). Ceramic complex of the final Bronze Age and transitional time to the Iron Age from the Borkovsky settlement (based on the results of works in 2012–2013). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 35(4), 33–47. (Rus.).

Zimina, O.Yu., Zakh, V.A. (2009). *Lower Tobol region at the turn of the Bronze and Iron Ages*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Зах В.А., <https://orcid.org/0000-0002-3635-5933>

Сведения об авторе:

Зах Виктор Алексеевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень.

About the author:

Zakh Viktor Alekseevich, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Tyumen Scientific Centre of the SB RAS, Tyumen.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 08.06.2023

Article is published: 15.09.2023